
Уютный детектив
Гранки, или Смерть в наборном цехе
ЗАРЯ
ГРАНКИ
Невеста корректора
25 октября
Серия «Красный карандаш»
книга 21

Милана Панова

Гранки, или Смерть в наборном цехе

«Автор»
2026

Панова М.

Гранки, или Смерть в наборном цехе / М. Панова — «Автор», 2026

Через неделю после свадьбы корректор Нина Платонова находит на кухонном столе гранки книги «Невеста корректора». В них слово в слово описано утро её свадьбы, а двадцать четыре «опечатки» складываются в приглашение: «Заря, цех три, последняя смена». Автор гранок — старый наборщик Лев Рейн. Он зовёт Нину в типографию «Заря» в ночь перед сносом: пятнадцать лет назад там сгорела касса взаимопомощи, а вместе с ней погиб сторож. В полночь, когда в цехе гаснет свет, кто-то убивает владельца участка, а рядом с телом находят счастливую литеру Льва Марковича. Ворота заперты, подозреваемых шестеро. Читать можно отдельно от предыдущих частей.

© Панова М., 2026
© Автор, 2026

Милана Панова
Гранки, или Смерть в наборном цехе

Гранки, или Смерть в наборном цехе
Серия «Красный карандаш», книга 21

Глава 1. Невеста корректора

Первая неделя замужней жизни началась с того, что мой муж попытался вынести кота на лестничную клетку, а кот не согласился.

— Он занимает половину кровати, — сказал Андрей, стоя в дверях спальни с Эклером на вытянутых руках.

— Он занимал её всегда.

— Но раньше он не занимал нашу половину.

— У нас теперь одна половина.

— Вот именно.

Эклер, висевший в воздухе, как плюшевая подушка, посмотрел на Андрея с выражением глубокого и безмятежного презрения. Потом лениво зевнул, показав розовую пасть, и Андрей сдался. Он опустил кота на ковёр, вздохнул и сказал, что в ближайший отпуск мы заведём вторую кровать, специально для него.

Отпуск у нас был, и это был наш медовый месяц. Точнее, должен был быть. Но в первый же день после свадьбы выяснилось, что Андрею нужно закрыть две бумаги, мне нужно сдать три книги, а Кате нужно родить через полтора месяца, и без нас этого, видимо, сделать нельзя. Поэтому мы договорились отложить поездку на декабрь. Андрей пообещал, что в декабре мы поедем куда угодно, хоть на край света, лишь бы там не было ни трупов, ни школ, ни свадебных салонов.

Я пообещала то же самое. Мы оба знали, как это работает.

Гранки лежали на кухонном столе, там, где я оставила их в день свадьбы.

Читатель, который открыл эту книгу впервые, возможно, не знает, что такое гранки. Это пробный оттиск набранного текста, который корректор вычитывает до того, как книга уйдёт в печать. Раньше их делали на длинных бумажных полосах, отсюда и слово: «гранки» от слова «грань», край. Сегодня гранками называют всё подряд, вплоть до распечатанного ворда, но те, что лежали на моём столе, были настоящими: плотная жёлтоватая бумага, жирный шрифт старого образца, запах свежей краски, давно забытый в наших офисах. Двадцать два листа, сложенных пополам, скреплённых канцелярской скрепкой, на первой странице название «Невеста корректора» и дата «25 октября».

Вечером после свадьбы мы с Андреем долго смотрели на них. Потом он позвонил Серёге, Серёга приехал на следующее утро и, пожав плечами, сказал: «Это не преступление. Это розыгрыш. Или сюрприз. Или признание в любви, как вы хотите». Однако на всякий случай он забрал конверт для экспертизы и вернул через три дня с резюме: бумага обычная, краска типографская, отпечатков нет, написано от руки красным карандашом.

— Красным карандашом, — повторил Серёга. — Как у вас.

— Таким пишут все корректоры.

— Не все. Таких карандашей, красных мягких, уже лет двадцать не делают. Я проверял.

Я знала. У меня самой был такой, один, единственный, подаренный Ниной Фёдоровной, моей первой наставницей. Но это уже другая история.

За неделю после свадьбы я прочла гранки пять раз.

В первый раз я читала их как читатель и убедилась, что текст описывает утро двадцать пятого октября точнее, чем если бы кто-то стоял в углу комнаты с блокнотом. Катя ищет

шпильки; в красной коробке они не находятся; на другой красной коробке сидит кот; Эльза Карловна поправляет складку на моём плече и говорит, что невесты должны плакать. Всё так, как было, до последней реплики.

Во второй раз я читала как корректор, и тогда увидела ошибки.

— Нина, — сказала Катя, зайдя ко мне на кухню в выходное утро. Она переваливалась, держась за поясницу, и выглядела так, будто несёт в себе целый космос. — Ты опять с ними?

— Опять.

— Ты уже выучила наизусть.

— Я их читаю.

— Нина. Это текст про твою свадьбу. Что ты в нём ищешь?

— Ошибки.

— Так ты же корректор. Ты всегда ищешь ошибки.

— Не такие. — Я положила перед ней листок. — Смотри. Вот на третьей странице: «свадебная фота». Через две строки: «молочное платье цвета топлёного мылока». На пятой: «Катя нашла шпильки в коробке с надписью „шипилки"». Это опечатки. Но не те опечатки, которые бывают в тексте.

— А какие бывают?

— Обычные. Пропущенная буква, дублированная, соседняя клавиша на клавиатуре. Когда набирают на компьютере, ошибаются так: «шпилки» превращаются в «шпильки», а «фата» в «фаат». А здесь набирали иначе.

— Как?

— Наборной кассой. — Я показала на жёлтую бумагу. — Видишь, у «ф» в слове «фота» чуть выше линия? Такое бывает, когда в ячейку не того шрифта положили не ту литеру. Вот буква «о» из другого набора, чуть более жирная. Тот, кто это набирал, умел набирать вручную. Это огромная редкость. Таких людей почти не осталось.

— Но зачем ему ошибаться?

— А вот это самое интересное. — Я придвинула лист ближе. — Сначала я думала, что ошибки случайные. Но их было слишком много, и они слишком красиво распределялись: по одной на страницу, по две. Двадцать четыре на двадцать два листа. И ни одна не повторяется.

— Это что-то значит?

— Если выписать неправильные буквы подряд, в порядке появления, получается вот что.

Я перевернула листок, где накануне ночью написала красным карандашом столбик из двадцати четырёх букв. Читать надо было сверху вниз: З, А, Р, Я, Ц, Е, Х, Т, Р, И, П, О, С, Л, Е, Д, Н, Я, Я, С, М, Е, Н, А.

— «Заря, цех три, последняя смена», — прочитала Катя вполголоса. Лицо её стало серьёзным. — Это что? Это адрес?

— Это приглашение.

— Кому?

— Мне.

Эклер, лежавший на подоконнике, повернул голову и посмотрел на гранки так, словно ему было неловко за людей, которым нужно так долго объяснять очевидное.

— Нина, — медленно сказала Катя. — «Заря». Это же типография.

— Какая?

— Дедушкина. Где он работал. Он всю жизнь там проработал. Сначала наборщиком, потом старшим корректором, потом заведующим цехом. — Она помолчала. — Она сгорела. Давно. Пятнадцать лет назад.

— Ты не говорила.

— Я не думала, что это важно. Дед не любит вспоминать. — Катя вдруг прижала ладонь к губам. — Нина, он мне звонил.

— Когда?

— В день свадьбы. Утром. Ты помнишь, я искала шпильки. Телефон зазвонил: «Катюша, как там у вас? Рассказывай!» Я рассказывала, а сама бегала по квартире. Говорила: «Шпилек нет, они в красной коробке, а коробок две, на одной сидит Эклер». Дед смеялся. Он любил Эклера. Он видел его на фотографии. Спросил: «А что невеста? Какая она?» Я сказала: «Строгая. Плачет, когда никто не видит».

— Я не плакала.

— Плакала. Потом. — Катя криво улыбнулась. — Дед сказал: «Хорошо». И положил трубку.

— Значит, он набрал это за несколько часов?

— У него ещё осталась касса. И маленький станок. В гараже. Он держит их, как другие держат старые фотографии. — Катя вцепилась в мою руку. — Нина, он что-то задумал. Я чувствую. Последние два месяца он ведёт себя странно: ходит по Заводской, смотрит на здание, разговаривает с какими-то людьми. А на днях сказал мне: «Знаешь, Катюша, пятнадцать лет я ждал, чтобы кто-нибудь умный пришёл и всё прочитал как следует».

— Всё прочитал?

— Он так сказал.

Я подумала о том, что корректор — это тот, кто читает не только то, что написано, но и то, что за этим написано. И о том, что человек, который двадцать четыре раза нарочно ошибся в моей свадьбе, ждал именно такого читателя.

— Когда последняя смена?

— Не знаю.

— А когда сносят здание?

Катя нахмурилась.

— Дед говорил, что в начале ноября. А что?

— Тридцать первое октября, — сказала я. — Накануне. Ночью. Я уверена.

В кухню вошёл Андрей с чашкой кофе. Он остановился, посмотрел на нас, на гранки, на красный столбик букв.

— Что-то случилось?

— Ничего особенного. — Я протянула ему листок. — Всего лишь новое приглашение.

Он прочёл, молча поставил чашку на стол и сказал:

— Ну конечно.

Глава 2. Дедушка

Лев Маркович Рейн жил в старой кирпичной пятиэтажке в рабочем районе, на третьем этаже, в квартире, где пахло машинным маслом, табаком и деревянными ящиками. Дверь открыл сам: невысокий, сутулый, с белой бородкой и в вязаной жилетке, из карманов которой торчали карандаши. Очки у него были на самом кончике носа, а за очками голубые, живые, невероятно проницательные глаза.

— Катюша! — Он обнял внучку и осторожно приложил ухо к её животу. — Что он сегодня говорит?

— Он пока молчит, дедушка.

— Это правильно. Умные люди молчат до рождения. — Лев Маркович выпрямился и повернулся ко мне. Взгляд его, цепкий и доброжелательный, медленно скользнул по моему лицу, по рукам, по сумке на плече. — А вы, значит, Нина Сергеевна.

— Нина. Платонова-Громова, с прошлой недели.

— Поздравляю. — Он протянул мне сухую, жёсткую, пахнущую чернилами ладонь. — Лев Маркович. Можно просто Лев.

— Я принесла ваши гранки.

— Мои?

— Те, что пришли мне на свадьбу.

На лице у него не дрогнул ни один мускул. Но глаза за очками на мгновение стали ещё светлее.

— Проходите. Чай будем пить.

Квартира была крошечная, но каждая её вещь существовала, казалось, по собственным законам. На стенах висели старые афиши, в шкафах стояли ряды книг, выпущенных «Зарёй» с тысяча девятьсот шестидесятого по две тысячи десятый год. На подоконнике лежали три деревянные наборные кассы, чёрные от времени. А на кухонном столе, застеленном клеёнкой, красовался маленький настольный станок, каких я не видела с тех пор, как в детстве ходила в музей печати.

— Это «Бостон», — с нежностью сказал Лев Маркович. — Американский. Тысяча девятьсот двенадцатого года. Я его выменял на три бутылки коньяка и книгу «Азбука корректора».

— Он ещё работает?

— Конечно. — Он налил мне чай. — Станки не стареют, Нина. Стареют те, кто на них работает.

Эклер, которого мы взяли с собой, сразу вылез из переноски, обошёл кухню, потёрся о ножку стола и устроился на коленях у Льва Марковича. Тот, не глядя, погладил его по голове.

— Красавец. Ваш?

— Наш общий. С моей стороны.

— И с моей, — сказал Андрей, который, не вмешиваясь, сидел у двери.

— Вы капитан?

— Да.

— Хорошо. — Лев Маркович кивнул. — Мне нужен капитан. Впрочем, подождите. — Он сделал глоток чая. — Нина, вы всё расшифровали.

— Двадцать четыре буквы. «Заря, цех три, последняя смена».

— Вы быстрая. Я рассчитывал, что вам понадобится неделя.

— Мне понадобилась неделя.

— Тогда я не ошибся. — Он улыбнулся, и от этой улыбки морщины вокруг его глаз разбежались, как лучи. — Знаете, Нина, когда-то давно, в семьдесят девятом, я набирал одну книгу. Брошюру о передовом опыте. И в тексте была ошибка, которую пропустили все: автор, редактор, корректор. Даже я. Её нашла семнадцатилетняя ученица наборщика. Девчонка. Пришла в цех, села рядом, прочитала вслух страницу и сказала: «Тут не „стахановцы", а „стахановцы"». Мы все пропустили лишнее «ы» в одном слове. С тех пор я знаю: хорошего корректора видно не по тому, что он находит. А по тому, что он не пропускает.

— Лев Маркович, зачем вы это сделали?

— Что сделал?

— Набрали гранки. Описали мою свадьбу. Выслали мне приглашение.

— Потому что у меня нет времени на письма. — Он поставил чашку. — Через четыре дня «Зарю» снесут. Это здание тысяча девятьсот двадцать пятого года, архитектурный памятник, но разрешение на снос подписано. Через четыре дня там останутся только руины. А я, Нина, должен кое-что доказать, пока ещё есть стены.

— Что именно?

— Что в нашей типографии случился не пожар. — Он помолчал. — Что в тот день был поджог.

На кухне стало тихо. Эклер на его коленях сомкнул веки, а потом тихо мурлыкнул.

— Пятнадцать лет назад, — продолжил Лев Маркович. — Седьмого ноября две тысячи одиннадцатого года. В ночь с седьмого на восьмое. В «Заре» сгорели склад, архив и половина

цехов. Погиб сторож, Фёдор Гурьев, шестидесяти двух лет. Мы думали: короткое замыкание. Проводка старая. Все так думали. Следствие закончилось через месяц и закрыло дело.

— Но вы так не думали.

— Нет. — Он сжал пальцы на коленях. — В ту ночь у нас хранилась касса взаимопомощи. Деньги, которые все мы, рабочие типографии, сдавали годами, по двести, по триста рублей в месяц, на похороны, лекарства, дочкам на свадьбы. Четыре миллиона восемьсот тысяч. Мы копили их тридцать лет. Деньги лежали в сейфе в кабинете главного бухгалтера. После пожара сейф нашли оплавленным и пустым. Главбух Зинаида Павловна Крюкова сказала: «Всё сгорело. Деньги, книга учёта, документы. Простите, я не уберегла».

— Вы ей не поверили?

— Я поверил. — Он слабо улыбнулся. — Она плакала. Я сам утешал её. Целых одиннадцать лет верил. А потом, этой весной, мне позвонил человек из строительной компании и спросил, не знаю ли я чего о бывших работниках. Так я узнал, что здание купили и будут сносить. Я пошёл на Заводскую посмотреть напоследок. Нашёл в цехе номер три, под полом…

Он замолчал и посмотрел в окно.

— Что вы нашли?

— Это я скажу вам в «Заре». Не здесь.

— Почему?

— Потому что я боюсь. — Он усмехнулся. — Я старый, Нина. Но не глупый. Пока я говорю шёпотом, они не знают, что я знаю.

— Кто «они»?

— Те, кто будет там в последнюю ночь. Те, кто захочет попрощаться с типографией. Их немного. Шесть человек. И вы.

— А Серёга? — спросил Андрей. — Следователь, мой друг. Я могу привести его.

— Приводите. Только пусть он придёт позже. До полуночи пусть погуляет. Мне нужно, чтобы они были спокойны.

— Почему вы думаете, что мы справимся?

— Потому что вы читаете не только слова, Нина. — Лев Маркович поднялся, подошёл к полке и достал оттуда небольшую жестяную коробку, потёртую, с выцветшей надписью «Чай индийский». Открыл. Внутри лежали полоски бумаги, исписанные карандашом. — Вот. Это мои пометки к рукописи, которую я никогда не опубликую. Каждый корректор ведёт такую. «Вопросы к автору». Я задал много вопросов за сорок лет. И в последние годы все они были об одном.

— О чём?

— О том, почему цифры не сходятся.

Он вложил полоски обратно в коробку и протянул её мне.

— Возьмите. Прочтите ночью. Утром скажете, правильно ли я думаю.

— Вы не пойдёте с нами в «Зарю»?

— Пойду. — Он закрыл крышку. — Но не как свидетель. Как экспонат.

Когда мы вышли на улицу, было уже темно. Мелкий дождь висел над городом, как сито. Андрей придержал мне дверь машины.

— Нина, — сказал он тихо. — Я хочу, чтобы ты знала. Если в «Заре» что-нибудь случится…

— Знаю.

— Я обязан остановить тебя.

— Знаю.

— И не остановлю.

— Знаю. — Я улыбнулась. — Поэтому я за тебя и вышла.

Он усмехнулся и завёл мотор. Эклер на заднем сиденье чихнул и устроился в переноске поудобнее, как человек, который собирается проспать всю дорогу и проснуться на месте преступления.

Глава 3. Последняя смена

Типография «Заря» стояла на Заводской улице, в старом промышленном районе, на краю города, где улицы ещё помнили трамвайные рельсы и запах угольной пыли. Здание было огромное: три корпуса красного кирпича, соединённые крытыми переходами, с высокими окнами, заколоченными листами фанеры, и надписью на фронтоне: «ЗАРЯ. 1925». Буквы облезли, но ещё держались. Над крыльцом горел единственный фонарь, и в его мутном свете дождь казался золотым.

— Красиво, — сказал Андрей.

— Страшно.

— Красиво и страшно. Как большинство вещей, которые ты любишь.

Было без пятнадцати одиннадцать вечера, тридцать первое октября. Мы приехали вдвоём, Эклер в переноске у меня на плече и с красным бантом на шее, потому что Катя настояла: «Он должен выглядеть празднично». Серёга обещал подъехать к полуночи. Румянцев, к счастью для всех, был в отъезде.

У дверей нас встретил охранник, высокий парень лет двадцати пяти в чёрной форме, с бейджем «Виктор» и усталым лицом.

— Вы на прощальную смену?

— Да.

— Проходите. Все уже собрались. Только ворота я потом запру. Приказ. С полуночи никого не выпускаю до утра, чтобы не растащили оборудование.

— Мы не из тех, кто растаскивает, — сказал Андрей.

— Приказ, — повторил Виктор виновато.

Мы вошли в вестибюль. Здесь пахло сыростью, пылью и чем-то ещё, чем-то горьковатым и сладким одновременно, как бывает пахнут старые книги и свежие чернила. Пол был выложен потёртой плиткой, на стенах висели пожелтевшие плакаты: «Слава труду!», «Печатник, береги станок!», «Тираж в срок!». В углу стоял стенд с чёрно-белыми фотографиями: бригады, награждения, юбилеи. Лица улыбались, глядя в объектив пятидесятилетней давности.

— Нина Сергеевна, — окликнул нас знакомый голос.

Лев Маркович стоял у стенда, одетый в тёмный костюм, в галстуке, с гладко зачёсанной бородкой. Он выглядел торжественно и слегка смущённо, как жених.

— Вы пришли. Благодарю.

— Мы же обещали.

— Знакомьтесь. — Он повёл рукой. — Это мои друзья. И не только друзья.

В зале, соединявшем вестибюль с производственными корпусами, под длинной люстрой с одной горящей лампочкой, собралось шестеро. На составленных вместе столах стояли свечи, бутылка вина, чайник и тарелка с пирогами. Бумажные салфетки были сложены в форме треугольных наборных шпаций.

— Георгий Петрович Шишов, — представил Лев Маркович. — Директор «Зари» с девяносто пятого по две тысячи одиннадцатый.

Шишов, высокий, грузный, седой мужчина лет семидесяти шести, в потёртом пиджаке с орденской планкой, молча кивнул. У него было тяжёлое, обрюзгшее лицо человека, которому давно не рады.

— Зинаида Павловна Крюкова. Главный бухгалтер. Сейчас председатель совета ветеранов.

Крюкова оказалась женщиной лет шестидесяти девяти, невысокой, полной, с мягкими руками и круглым, добродушным лицом. Глаза у неё были светлые, чуть выпуклые, как у вяленой рыбки, и очень добрые. На ней было тёмно-синее платье с брошью-камеей. Она встала, всплеснула руками и сказала:

— Ой, как хорошо, что вы пришли! Мы так ждали. Лёва так ждал. Садитесь, садитесь. Пирожков вот возьмите, с капустой, с яйцом, с яблоками. Я сама пекла.

Она подошла к Льву Марковичу и, как поправляют мужу, одёрнула на нём жилет и поправила узел галстука.

— Благодарю.

— Борис Мальцев, — сказал Лев Маркович. — Старший печатник. Мой ученик.

Мальцев, плечистый, бородатый, лет шестидесяти восьми, с руками, чёрными от въевшейся краски, буркнул «здрасте» и отвернулся.

— Марина Гурьева.

Это была молодая женщина лет тридцати, худая, с короткой стрижкой, в кожаной куртке и с диктофоном на ремешке.

— Журналист, — пояснил Лев Маркович. — И внучка Фёдора Гурьева.

— Сторожа, который погиб, — тихо сказала Марина. Голос у неё был низкий, ровный, без выражения. — Я пишу о нём материал. И о типографии.

— Спасибо, что пришли.

— Я не из вежливости. Я хочу знать правду.

В этот момент в дальнем конце зала открылась дверь, и вошли двое: мужчина лет сорока семи в дорогом чёрном пальто, с идеально выбритым лицом и холодными серыми глазами, и молодая женщина с планшетом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.